

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

День царя Алексея Михайловича (Сцены из жизни Москвы XVII-го века*)

Лет двести тому назад, на Москве царствовал царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого. Замечательное время переживала тогда Русская земля. Русские люди крепко сохраняли еще в своей жизни многие старые порядки и обычаи, но они начинали уже понимать, что нельзя все жить только по одной старине, что необходимо многому поучиться у других более образованных народов, перенять у них для себя все то, что может быть употреблено с надлежащей пользой. Так думали тогда уже многие русские люди, думал так и сам царь Алексей Михайлович. Эту думу он проявлял и в своей жизни. Сейчас я и хочу рассказать вам, как обыкновенно проводил он свой день с утра и до самой ночи.

4 часа утра. Над Москвой чуть-чуть забрезжили первые признаки рассвета, город уже просыпается. Отпираются лавки. Рыночная площадь перед Кремлевской стеной — теперешняя Красная площадь — наполняется шумной, пестрой толпой. Тут — торговцы, торговки, холопы празднующиеся: «гулящие» или «вольные» люди. Вся площадь заставлена вытянутыми в ряды *лавками*, а в стороне между Василием Блаженным и Кремлевской стеной — особое отделение для брадобреев и цирюльников. Сюда ходили тогдашние московские франты стричься и бриться под открытым небом. Эта площадка постоянно была устлана в то время таким толстым слоем обстриженного волоса, что по нем так же мягко было ступать, как по подушке.

---

* Составлено по И. Забелину «Домашний быт русских царей», Олеарию «Описание путешествия Голштинского посольства» и Котошихину «О России в царствование Алексея Михайловича».

К 4-м часам утра вся площадь уже в полном движении. Шум стоит невообразимый. Особенно отличается по части шума и суеты женский пол. Лишь только, — говорит очевидец, — соберутся москвитянки на площадь со своими полотнами, нитками и кольцами, они тотчас поднимают такие пронзительные крики, что непривычный человек может подумать, не горит ли город.

Время от времени толпа расступается, чтобы пропустить боярский поезд. В тяжелых колымагах, запряженных гуськом и окруженных боярскими холопами, собираются бояре во дворец на утренний поклон государю. Колымаги с грохотом трясутся по большим круглым бревнам, которыми тогда были вымощены московские площади и улицы. Приезжим иностранцам, наблюдавшим московскую жизнь, очень забавно было смотреть, как важные и дородные бояре, в широких кафтанах и меховых шапках, похожих на большие пасхальные куличи, торжественно подпрыгивали на сиденье от постоянных толчков бревенчатой мостовой.

В это время начиналась дневная жизнь и в царских хоромах. Царь Алексей Михайлович вставал в 4 часа утра. Постельничий и спальник убирали государя, т. е. помогали ему одеваться. Умывшись, царь тотчас же выходил в Крестовую палату, где его ждал крестовый поп и крестовые дьячки. Крестовая палата, это — молельня с высоким иконостасом, уставленным иконами. К приходу царя весь иконостас сияет от множества восковых зеленых и красных свечей. Царь становится перед аналоем, и, надев большие очки в золотой оправе, совершает молитвенное правило. Духовник окропляет царя св. водой, которая свозилась для этого во дворец из разных церквей и монастырей, иногда очень отдаленных, где были прославленные чудотворные иконы. Пока царь, окончив молитвы, прикладывается к иконам, «ближний человек» идет в хоромы к царице спросить ее от имени царя «о здоровье», хорошо ли она, почивала. Затем сам царь выходит здороваться с царицей, и они вместе отправляются в домашнюю дворцовую церковь слушать заутреню. — Между тем в Передней палате уже давно, с раннего утра, толпятся в ожидании царского выхода бояре, окольниковы, думные дворяне и ближние люди — в длинных до пят кафтанах, голубо-фиолетового, темно-коричневого и темно-зеленого сукна с широкими откинутыми назад воротниками, унизанными золотом и жемчугом. Длиннейшие рукава этих кафтанов во множестве складок ниспадали до самого пола, так что боярину не раз стоило большого труда высвободить из-под рукава свои руки. На боярах надеты меховые шапки вышиною в $\frac{3}{4}$ аршина¹ из черной лисицы или соболя с небольшой меховой опушкой. Некоторые бояре держат

в руках куличи. Это — бояре-именинники, всегда приветствующие царя на утреннем выходе таким подношением. Но вот растворяются двери внутренних покоев и пред боярами являются, как говорили тогда, «пресветлые государевы очи». Вся толпа, как один человек, мгновенно падает ниц. Это называется «бить челом государю». Такова была обычная форма приветствия государю. Некоторые бояре таким же челобитьем благодарят при этом царя за оказанные им царем особенные милости, стараясь превзойти друг друга в усердии поклонов. Известен случай, когда боярин кн. Трубецкой, обрадованный царскою милостью, назначением главным предводителем русского войска, выступившего в Польский поход, поклонился государю в землю подряд 30 раз.

Сопровождаемый боярами, царь шествовал в собор к поздней обеде, продолжавшейся два часа. Иностранные наблюдатели с изумлением передают о молитвенных подвигах Алексея Михайловича: он выстаивал в церкви часов по 5, по 6 сряду и клал по тысяче земных поклонов, а в большие праздники и по полуторы тысячи. Выход царя в церковь к поздней обедне, это — одна из самых важных минут ежедневной царской жизни. Бояре окончили свои челобитья и все гурьбой вслед за царем выходят на дворцовое крыльцо. От крыльца до кремлевских соборов растягивается целое шествие. Воздух наполнен звоном: гудят кремлевские колокола. Царь подвигается обыкновенно пешком, иногда в карете. Зимой — в санях. Это были большие нарядные сани, раззолоченные, расписанные красками, обитые персидскими коврами. Одевание государя при этих выходах было различно, смотря по времени года и значению дня. Летом он шел в легком шелковом опашне² и золотной шапке с меховым околком. Зимой — в шубе и горлатной лисьей шапке³. В двенадцатые праздники государь облакался в наряд царский: он выходил в порфире, царском становом кафтане, короне, бармах и с царским жезлом в руках. Все это блистало золотом, серебром, дорогими камнями. Самые башмаки, которые в это время надевал государь, богато были вынизаны жемчугом. Это был очень тяжелый наряд, и вот почему в подобных церемониях государя всегда поддерживали под руки стольники, а иногда и бояре. Окружая царя, шагают *рынды* — царские телохранители из сыновей знатнейших бояр, в ослепительно сверкающем наряде, все вбелом: в длинных, подбитых горностаями кафтанах из серебряной ткани, с серебряными пуговицами до самых ног, в белых же сапогах с подковами, в белых бархатных шапках, усыпанных жемчугом. Каждый из них несет на плече большой топор, блестящий на солнце серебром и золотом. Шествие замыкается отрядом *жильцов*, т. е. отборной

дворянской гвардии. Жильцы тоже блистают яркими нарядными кафтанами. У каждого к плечам приделана для украшения пара золоченых крыльев. Медленно и чинно подвигается шествие среди густой толпы любопытствующего народа.

Не всегда эти царские выходы совершались в одном и том же порядке. В некоторые большие праздники с ними соединяли особые торжественные церемонии, так называемые «действия», в которых изображались в лицах различные события из священной истории. Так, например, в середине декабря совершалось «Пещное действо» в воспоминание сожжения трех отроков в огненной печи⁴, причем печь изображал огромный решетчатый фонарь, в глубине которого помещался горн с горящими угольями. В фонарь входили три отрока в яко бы халдейских костюмах из красного сукна. Протодьякон кликал их с амвона громовым басом, а они отвечали ему из глубины фонаря жалобным пением. Сверху с треском и шумом спускалось в фонарь вырезанное изображение ангела, и спасенные отроки, выйдя из фонаря, славословили патриарха. Самое красивое и любопытное «действие» совершалось в Вербное воскресенье. То было так называемое «Хождение на осляти»: процессия, воспроизводившая Господень вход в Иерусалим. От дворца до Василия Блаженного по площади устанавливали аллеей по обе стороны зеленые кадки с воткнутыми в них вербами. После ранней обедни царь в выходной одежде, сопровождаемый патриархом, всем столичным духовенством и боярами, шествовал по вербной аллее к Покровскому собору (т. е. к церкви Василия Блаженного) и слушал там позднюю обедню. В это время массы народа любовались на изукрашенное Лобное место, покрытое бархатом и сукнами.

Посредине Лобного места ставился аналой с Евангелием, а рядом с Лобным местом помещалась приготовленная для процессии «осля»⁵, в белой суконной попоне, закрывавшей также и голову, и нарядная верба, утвержденная на особых изукрашенных дрогах и убранная подобно тому, как теперь убираются на Рождество елки, на ветвях деревца навешивались разные сласти — изюм, винные ягоды, орехи, яблоки, прикреплялись искусственные цветы, разные блестящие и звезды из меди, шумихи. — После обедни государь, патриарх и духовенство выходили на Лобное место, протодьякон читал Евангелие и в соответствующем месте патриарх, взяв в одну руку Евангелие, в другую крест, благословлял государя. Потом, патриарх садился на осля, царь брал в руки конец повода, и вся процессия, предшествуемая нарядной вербой, медленно двигалась обратно ко дворцу. Тогда народ падал на колени, и вся площадь затихала в торжественном молчании. Мальчики лет 12, в белых

одеждах, числом иногда до тысячи; разбрасывали по пути процессии красные сукна и восклицали: «осанна!»⁶.

В обыкновенные будничные дни царь, вернувшись от обедни, шел во внутренние дворцовые покои и до обеда «сидел с бояры» т. е. рассматривал и решал с боярами разные государственные дела.

Убранство внутренних покоев дворца Алексея Михайловича живо отражало на себе начавшийся переход от прежней старинной жизни к перенимаемым у иноземцев новинкам. Во многих комнатах дворца по старинному вся мебель отличалась большой простотой: — столы, — расставленные по стенам скамейки — вот и все. — Но в некоторых покоях там и сям между скамьями в виде одиноких редких гостей стояли новинки: стулья и кресла, серебряные, золоченые, обитые бархатом. Стены многих покоев были украшены разными картинами. Тут висели «парсуны» или портреты, различные сцены из библии и истории. Прогуливаясь по дворцовым хоромам, можно было увидеть на стенах «Падение Иерусалима», «Историю Иосифа во Египте», Владимира Святого, окруженного своими сыновьями, и Владимира Мономаха, принимающего дары от греческого царя Константина⁷; далее разные сцены из жизни, как например, изображение несправедного судьи, принимающего взятки: ему подносят кубок и мешок с серебром, а внизу нарисован ад с ликующими чертями, которые тащат в огонь душу грешника. Под картиной подпись: горе судиям несправедным. Наконец, в самых дальних уголках комнат приютились и еще более неслыханные новинки: висячие зеркала, сделанные на манер киоток. Русские люди того времени и царь Алексей Михайлович в том числе соблазнялись уже искушением иметь у себя эту неслыханную новинку, но вешали зеркала в самых укромных углах, и задерживали их тафтою, как бы стыдясь своего искушения. Между зеркал и окон, довершая убранство дворца, качались в клетках болтливые попугаи. В одном из дворцовых покоев собиралась «Боярская Дума» рассуждать вместе с царем о делах государственных. Бояре рассаживались на лавках по чинам и по породе. По сторонам стояли думные дьяки или секретари и писаря; у каждого за ухом — гусяное перо, а на груди болтается привешенная за шнур чернильница.

В неприсутственные дни «сиденье с бояры» заменялось торжественными приемами иностранных послов или высшего духовенства с патриархом во главе, приносившим Государю праздничные поздравления. Иностранных послов всегда старались принимать с особенною пышностью. — Их умышленно хотели поразить богатством русской страны, многочисленностью русского войска. Потому их встречали и принимали с возможно большим блеском.

Приезд посла всегда сулил народу любопытные и красивые зрелища. Вот как рассказывает о своем въезде в Москву посол герцога Голштинского Адам Олеарий — 13 августа мы приехали в последнее село перед Москвой, от которого оставалось 2 мили до русской столицы. Здесь мы должны были остановиться, отправив в Москву гонца с извещением о нашем прибытии. В Москве начались большие приготовления. На другой день гонец вернулся, и мы выступили к Москве, подвигаясь медленно, так как на встречу из Москвы один за другим летели гонцы с приказами то замедлять, то ускорять путь. Скоро со стороны Москвы стали показываться целые толпы прекрасно одетых всадников, они быстро проносились мимо нас на своих лошадях и вдруг, на всем скаку повернув лошадей, возвращались назад и также быстро исчезали вдаль «в клубах дорожной пыли». За четверть мили от Москвы послов ожидало целое необозримое войско. Более 4000 русских в богатых одеждах, на прекрасных скакунах выстроены были в ряд, через который послы должны были совершать свое движение. — Наконец послов встретили царские пристава, подвели им рослых белых лошадей с богато убранными серебром и золотом немецкими седлами. Но встреченные с такою пышностью, послы скоро попадали в положение пленников. Их доставляли прямо в Посольской Двор, который тотчас же окружался стражей. 12 часовых стояли у ворот. Послы сидели как бы под арестом. Их никуда не пускали, и к ним никто не мог проникнуть. Но вот настает день их представления государю. По Москве большое народное движение. С раннего утра от Посольского двора и до дворца все улицы, все дома усеяны бесчисленным множеством народа. Все хотят посмотреть посольский въезд. В самом деле, есть что посмотреть. Гремят пушки. Вот показались пристава в новых кафтанах и высоких шапках. За ними двигается шествие. Несут всем на показ подарки, которые послы поднесут царю при представлении. Вот серебряная конская сбруя, золотой крест на блюде, большое зеркало в раме из черного дерева, украшенное плотными литыми из серебра листьями и фигурами, боевые часы, на которых изображена в подвижных фигурах история блудного сына, вороной жеребец, покрытый прекрасной попоной и проч. в том же роде. Две тысячи стрельцов стоят рядами на пути послов. Дворцовый покой, приготовленный для приема послов, убран с особенною роскошью. В углу стоит трон под балдахином, опирающимся на четыре вызолоченные столба, увенчанные серебряными орлами с распростертыми крыльями. Подле самого престола на резной серебряной пирамиде стояла держава⁸, величиной с ядро в 48 фунтов веса, а по другую сторону — золотая лохань

и рукомошник с полотенцем; над этой лоханью совершался обряд, приводивший в большое смущение иностранцев.

Допустив послов к целованию руки, царь в присутствии многочисленного собрания, в присутствии самих послов мыл в названной лохани свои руки. Это был остаток старинного взгляда на иностранца, как на человека «поганого», нечистого, прикосновение к которому — грязнит русского человека. Я уже заметил, что в царствование Алексея Михайловича этот взгляд начал исчезать у русских людей, а вместе с тем исчезает мало-помалу и лохань из дворцового приемного покоя. На сказанном троне в короне, в великолепной одежде с дорогими камнями и жемчугом, со скипетром в руке, сидел царь московский. У ступеней трона стояли те же рынды, которых мы видели на царских выходах.

Представление послов состояло, обыкновенно в целовании царской руки, в принесении царю подарков и взаимном опросе о здоровье.

Покончив с делами и торжественными церемониями, царь шел «к столовому кушанию». Алексей Михайлович был необычайно воздержан в пище, был строгим постником. Его обычный обед поражает своей простотой и невзыскательностью. Это — простой крестьянский обед. Ржаной хлеб, овсяная брага, легкое пиво — вот и все. Но когда наступало время постов, царь совершал настоящие чудеса воздержательных подвигов. Во время постов, по вторникам, четвергам и субботам царь ел только однажды в день — сырую капусту, соленые грузди и ягоды все без масла, а по понедельникам, средам и пятницам совсем лишал себя пищи, не ел и не пил ничего. Тем не менее, на царский стол ежедневно подавалось до 70 блюд. Все это рассылалось царем заслуженным боярам в виде особой милости.

От простого обеда отличались парадные, праздничные и посольские. В эти дни обед принимал вид блестящего пира. Длинный стол покрывался белой скатертью и весь устанавливался серебряной посудой. Тут были серебряные солонки, блюда, медовые чаши, серебряные кружки. Часто посуда снабжалась затейливыми украшениями и фигурами. Так, на царский стол ставились, между прочим, — «немка серебрянна золочена, а у ней в руках лохань; кубок золоченый, а на кубке — колокольчик с язычком, а под кубком змей со свистом; слон серебрян, а на нем араб с топорком, на слоне чердак, на чердаке мужик с алебардой, три мужика с пиками». Между посудой возвышались в разных углах большого стола большие фигуры, сделанные из теста и студня: высокие башни, стены с двуглавыми орлами наверху, или целые стаи гусей, кур, петухов

индейских... Царь садится во главе стола; поодаль, на расстоянии вытянутой руки, садятся за стол царские родственники, а потом бояре один под другим, смотря по породе. Как войдут бояре в трапезную палату, сейчас — шум, брань и волнения. Один перед другим пойдут считаться породю и никак усесться по местам не могут. Бросятся к царю с жалобами: один просится сесть выше, другой не хочет сесть ниже. Совсем разбранятся, а недовольные, не спросясь царя, начнут по домам разъезжаться. Разгневаается и царь, пошлет за уехавшими приставов и начнут их за стол сажать насильно. А боярин начнет отбиваться, брыкаться и посадить себя не дает, и соседа своего бесчестит и «лает». А как посадят его насильно, и он на месте не сидит и выбивается из стола вон. Соседи начнут уговаривать строптивного боярина, чтобы он царя не гневал, а он кричит: «хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему не на своем месте, ниже других бояр, не сидеть», спустится под стол, да и сидит под столом. Такие споры постоянно нарушали спокойствие и чинность парадной царской трапезы.

Торжественным обедом заканчивалась публичная часть царского дня. После обеда царь или ехал на Девичье поле «тешиться» соколиной охотой, до которой он был страстный любитель, или засыпал часа на три до вечерен. Вечер посвящался семейным беседам и развлечениям. Царь с семейством собирались в *Потешной палате*. Здесь выступали новые лица, которые содержались во дворце нарочно для царской потехи. На сцену являлся *дурак, шут*. Между шутами встречались и настоящие идиоты, которыми забавлялись в древние времена, по грубости тогдашних нравов, когда не гнушались забавляться человеком, как любопытным зверком, когда еще не понимали, что безумный — больной человек, которого следует лечить, а не выставлять напоказ для потехи. Впрочем, в шуты нередко попадали и умные люди, остряки, которые под видом шуток и дурачеств занимались порой обличением лжи и неправды.

Шумно и весело бывало в царской Потешной палате в какой-нибудь длинный зимний вечер. В одном углу кувыркались акробаты, и показывали свою «смехотворную хитрость» шуты, шпыни, плясцы, скоморохи; в другом показывали российского «Петрушку»; в третьем раздавалась музыка, для чего в Потешной палате всегда были расставлены тогдашние музыкальные инструменты: органы и цимбалы, род гуслей с металлическими струнами, по которым ударяли деревянными молоточками. И музыка сопровождалась смешными прибаутками.

Приведу вам образчик смехотворного искусства, которым забавлялись тогдашние русские люди. Вот является в Потешную

палату шут и объявляет, что он — жених, что невеста у него богатая-пребогатая, дают за ней в приданое: «8 дворов крестьянских, промеж Лебедяни, на старой Рязани, не доезжая Казани, где пьяных вязали, меж неба и земли, поверх лесу и воды, да 8 дворов бобыльских⁹, в них 1½ человека с четвертью, 4 человека в бегах, да два человека в *бедах*, а хоромного строения: два столба вбито в землю, третьим покрыто. Да с тех же дворов сходится на всякий год насыпного хлеба 8 амбаров без задних стен, да 4 пуда каменного масла. Да в тех же дворах сделана конюшня, а в ней 4 журавля стоялых, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет. Да с тех же дворов сходится на всякий год запасу по 40 шестов собачьих хвостов, да по 40 кадушек соленых лягушек. И всего приданого будет на 300 пусто, на 500 — ни кола. А у записи приданого сидели Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да поп Тимошка, да сторож Филимошка. А запись писали в серую субботу, в рябой четверток, в соловую пятницу. Тому честь и слава, а слушальщикам коровай сала!»

Впрочем, при царе Алексее Михайловиче эти вечерние потехи во дворцовых хоромаш делались все степеннее и серьезнее. Шуты и скоморохов сменили *бахари* и *домрачеи*¹⁰, т. е. певцы и рассказчики народных былин и сказаний. Наконец при царе Алексее появилась на Москве и совсем новая «потеха», *театр* на иноземный образец, на котором представляли разные пьесы.

Оканчивая день, после вечернего кушанья, царь опять шел в Крестовую и также, как и утром, молился около ¼ часа. Когда царь засыпал, у дверей его спальни становились истопники, а в соседних комнатах дежурили жильцы, «оберегая государево здоровье».

Засыпала в это время и вся Москва. Выходили на свой дозор ночные сторожа, по улицам расставлялись рогатки, чтобы не пропускать воровских и буйных людей, по Москве пускались в объезд «объезжие головы» дозором смотреть, нет ли где драки и ночного буйства, не горит ли в каком доме огонь, и не топят ли бани, это строго запрещалось в ночное время во избежание пожаров. Много дела объезжим головам для охранения мирно спавших граждан. То и дело встречают они шумные толпы воровских людей с дубьем и плетями. Но все трудящиеся и мирные обыватели спешат ко сну. Дома заперты, огни погашены. Москва спит. Оставим же и мы древнюю Москву и пожелаем москвичам покойной ночи.

